

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ****Феномен универсальности
в морали****Анализ дискуссий о принципе универсализуемости
в моральной философии 1950–1960-х гг.****А.В. Скоморохов**Институт философии РАН, Москва, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-47-64

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В предлагаемом аналитическом обзоре дискуссии о принципе универсализуемости на ее начальном этапе (1950–1960-е гг.) определяются ее теоретические истоки и узловые точки, реконструируются основные направления полемики и позиции авторов. Показывается, что проблемное поле дискуссии определяется: а) разным пониманием природы морали участниками дискуссии; б) расхождением этического и логического аспектов принципа универсализуемости. Дискуссия велась в двух направлениях: а) поиск этической интерпретации принципа универсализуемости; б) этическая критика принципа универсализуемости с позиций экзистенциалистских идей индивидуального морального выбора и поступка. В рамках первого направления предлагаются смысловые модели (версии) принципа универсализуемости, призванные превратить его в субстанциональный моральный принцип. Предложенные модели основаны на идеях беспристрастности, справедливости, равенства. В рамках второго направления ставится под вопрос связь морали с универсальностью и одновременно предлагаются модели согласования закона и поступка, призванные защитить идею универсальности от обвинений в репрессивности по отношению к индивидуальному. В статье рассматриваются основания и уязвимые места каждой из предложенных смысловых моделей принципа универсализуемости (в рамках первого направления), анализируется принципиальная возможность согласования закона и поступка на основе метода аналитической философии (в рамках второго направления) и предлагаются критические аргументы в адрес известных решений. Аналитическое понимание универсальности как универсали-

* Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), грант № 18-18-00068.

зуюмости суждений оценивается как метафизическое. Доказывается, что согласование универсального закона и идеи индивидуальности в границах метафизического понимания не может быть осуществлено. Указывается возможный путь решения проблемы: обращение к онтологическому понятию универсальности, при котором идея универсального закона может быть согласована с идеей личности.

Ключевые слова: универсализуемость, этика, беспристрастность, справедливость, равенство, поступок, Гевирт, Макинтайр, Сингер, Хэар.

Скоморохов Алексей Вячеславович – младший научный сотрудник сектора этики Институт философии РАН.

alskom2@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5565-0225>

Цитирование: *Скоморохов А.В.* (2018) Анализ дискуссий о принципе универсализуемости в моральной философии 1950–1960-х гг. // *Философские науки*. 2018. № 10. С. 47–64.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-47-64

The Discussion on the Principle of Universalizability in Moral Philosophy of the 1950s and 1960s: An Analysis*

A.V. Skomorokhov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-47-64

Original research paper

Summary

The article offers a review and analysis of the discussion on the principle of universalizability at its initial stage (1950s and 1960s). The author determines the theoretical roots and key points of the discussion and reveals the directions of controversy and the position of researchers. In particular, the problem field depends on the divergence of the ethical and logical aspects of the principle of universalizability. As a result, two areas of discussion are formed: 1) the search for an ethical interpretation of the principle of universalizability, 2) an analysis of the principle of universalizability in its relation to the ethical idea of the action. The author proposes the semantic models (versions) of the principle of universalizability designed to turn it into a substantive moral principle (within the framework of the first direction). These models are based on ideas: a) impartiality, b) justice, c) equality. The models of harmonization of universal normativity and moral experi-

* The paper has been developed within the research project “The Phenomenon of Moral Universality,” supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00068.

ence, law and action are designed to protect the idea of universalizability from accusations of formalism and dogmatism (within the framework of the second direction). The grounds and vulnerabilities of the proposed semantic models of the principle of universalizability are examined (within the framework of the first direction) and the possibility of harmonizing law and action is analyzed (within the framework of the second direction). The understanding of universalizability in analytic philosophy is metaphysical. Within the limits of the metaphysical understanding of universality, the problem of harmonizing the universal law and the idea of individuality cannot be solved. A possible way of solving the problem is an appeal to such a concept of universality in which the idea of universality can be reconciled with the idea of the individual freedom.

Keywords: universalizability, ethics, justice, impartiality, equality, action, Gewirth, Hare, MacIntyre, Singer.

Alexey Skomorokhov – Junior Research Fellow at the Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

alskom2@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5565-0225>

Citation: Skomorokhov A.V. (2018) The Discussion on the Principle of Universalizability in Moral Philosophy of the 1950s and 1960s: An Analysis. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 10, pp. 47–64.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-47-64

Введение

Неразрывная связь морали и универсальности обоснована в этической системе Иммануила Канта. Первая формулировка категорического императива (согласно мысли Канта – высшего принципа нравственности) требует возведения субъективной максимы во всеобщий закон; процедура универсализации максимы выступает критерием ее моральности. При этом, как замечает Теодор Адорно, проблема согласования универсального и партикулярного, общего и особенного, остается главной проблемой этики Канта и в целом философии морали [Адорно 2000, 24].

В границах аналитической философии исследование этой проблемы в ее возможных оборотах (этический смысл универсализации, согласование универсального закона и индивидуального поступка) осуществляется на путях логического анализа моральных суждений.

Исходной точкой этого анализа выступают:

1) различие суждений *формы U*, содержащих только предикаты (дескрипции) и логические термины, и суждений *формы E*, включающих, помимо предикатов, единичные термины, т.е. имена собственные и местоимения [Gellner 1954–1955, 163];

2) образованием Ричардом Хэаром термина «универсализуемость» [Hare 1954–1955] для обозначения формально-логического тезиса о природе моральных суждений.

Согласно основополагающему утверждению Хэара, «все моральные суждения имеют *форму U*», а универсализуемость – есть их «центральная характеристика» [Hare 1962, 351].

Исследование феномена универсальности проводится далее в двух главных направлениях: 1) выявление этического смысла феномена универсализуемости моральных суждений; 2) обоснование и критика связи морали и универсальности.

В ходе дискуссий термин «универсализуемость» оказывается связан с широким кругом философско-этических проблем (согласование закона и поступка), идей (справедливость, беспристрастность, равенство), концепций (экзистенциализм, утилитаризм, консеквенциализм и т.д.), а также вопросами типа: «а что, если бы это сделали все?» и «а что, если бы так поступили по отношению к вам?».

Цель данной статьи – реконструировать теоретические истоки и основные узловые точки этой дискуссии, проанализировать направления полемики и позиции авторов.

1. Принцип универсализуемости: смысловые модели

1.1. Универсализуемость моральных суждений:

отличительные особенности

Тезис Хэара об универсализуемости моральных суждений опирается на три взаимосвязанные презумпции.

Во-первых, моральные суждения универсализуемы, если они обоснованы, т.е. апеллируют к общим стандартам и принципам.

Во-вторых, моральные суждения универсализуемы, если существует связь между моральной оценкой предмета и его объективными (неморальными) качествами. Это значит, что вещи не могут быть различны только в моральном отношении.

В-третьих, моральные суждения универсализуемы, если они носят синтетический характер. То есть, возможность универсализуемости морального суждения обусловлена присутствием в нем неморальных элементов.

Последнее утверждение требует прояснения. Хэар постулирует: всякое моральное суждение имеет дуальную природу – сочетает в себе прескриптивное и дескриптивное значения. Прескриптивное значение включает в себе долженствование; дескриптивное значение связано с выявлением в реальных ситуациях существенных (в моральном отношении) признаков *X*, *Y*, *Z* с последующей их минимизацией, обобщением и абстрагированием, позволяющим

подвести их под общий принцип и высказать моральное суждение (причем суждение будет верным для всех ситуаций, обладающих признаками X, Y, Z). Важно подчеркнуть, что дескриптивное значение морального суждения – необходимое, но недостаточное условие его универсализуемости. Поскольку моральное суждение обладает также прескриптивным значением, в нем обобщаются не только неморальные (объективные) признаки предмета (таковы дескриптивные суждения), но и моральные предписания. Высказывая универсализуемое моральное суждение, мы полагаем, что, если P должен, то и мы должны (сделать A в ситуации с признаками X, Y, Z).

Из указанных условий универсализуемости моральных суждений вытекает формулировка принципа универсализуемости: «каждый человек, подобный мне, в обстоятельствах, подобных моим, должен поступить так же, как я, а идеальный наблюдатель должен одобрить такой поступок».

1.2. Проблемное поле дискуссии

Существенная трудность в осмыслении принципа универсализуемости заключается в расхождении логического и содержательного аспектов анализа. Это расхождение приводит к возникновению следующей проблемы.

Универсализация как процедура построения рода универсализуемых суждений допускает отбрасывание и включение систематизируемых (описательных) признаков *по произволу* судящего. Но посредством систематизации описательных признаков невозможно получить общезначимый принцип. Как следствие, в общих терминах могут быть сформулированы разные, в пределе – глубоко абсурдные и аморальные суждения [Emmet 1963, 215]. Отсюда следует, что на формальный принцип универсализуемости необходимо наложить ограничения. Универсализуемость как последовательность должна быть дополнена содержательным критерием, исключающим возможность аморальных суждений [Emmet 1963, 167]. Пути содержательной интерпретации принципа универсализуемости становятся основным предметом дискуссии 1950–1960-х гг.

1.3. Возможные подходы к построению смысловых моделей

Конструирование смысловых моделей принципа универсализуемости разворачивается в двух направлениях. В рамках первого направления принцип универсализуемости рассматривается в качестве порождающего инструмента построения нормативной системы этики (Сингер, Эммет и др.). В рамках второго направ-

ления принцип универсализуемости мыслится в качестве формы, подлежащей содержательному наполнению, и уточняются пути этого наполнения (Хэар, Гевирт и др.).

Питер Уинч выделяет два образа морали, определяющие природу расхождения указанных направлений [Winch 1965, 198].

С одной стороны – социально-нормативный – этика понимается как своего рода калькуляция правильных поступков, причем личность поступающего принимается во внимание лишь постольку, поскольку влияет на суть рассматриваемой ситуации. С другой стороны – персоналистский – этика понимается через идею безусловной ценности личности и значимости индивидуального выбора. (В последующем изложении два подхода к осмыслению принципа универсализуемости мы будем обозначать как «нормативный» и «персоналистский».)

Радикальное отрицание связи морали и универсальности и построение полной нормативной системы этики на основе принципа универсализуемости – таковы две крайние позиции, задающие рамки ведущейся дискуссии.

1.4. Смысловая модель Сингера

Нормативный подход к построению смысловой модели принципа универсализуемости предполагает, что расхождение логического и содержательного аспектов принципа практически отсутствует.

В частности, Алан Райен и Дороти Эммет полагают, что непоследовательность в оценках не только неморальна, но и аморальна. Аморальность непоследовательности заключается в скрытой за ней пристрастности оценивающего [Ryan 1964, 48]. Однако требование последовательности на уровне оценок подрывается возможностью произвольного установления признаков ситуации. Это открывает лазейку для пристрастности и несправедливости.

Для устранения этой угрозы Сингер сопрягает принцип универсализуемости, называемый им «принципом обобщения» (generalization principle) с аргументом обобщения (generalization argument). Сингер обращает внимание на то, что в обыденном сознании часто встречается аргумент вида: «А что, если все (не) сделают X?» При этом подразумевается, что если все и в самом деле (не) сделают X, случится нечто катастрофическое. Если никто не пойдет в армию, будет проиграна война, если никто не пойдет на выборы, будет подорван демократический строй и т.д. Предполагается вывод: «Никто не имеет права (не) делать X». По утверждению Сингера, аргумент обобщения – не досужее рассуждение, а выражение сущности морального сознания [Singer 1955, 361].

Сингер накладывает два ограничения на аргумент обобщения. Во-первых, суждение «никто не должен делать X » ложно, если его можно представить инверсно, т.е. если негативные последствия наступают не только от того, что все делают X , но в равной мере и от того, что X не делает никто (ср. «все производят одежду» – «никто не производит одежду»). Во-вторых, суждение «никто не должен делать X » ложно, если замена X на любое аналогичное Y приводит к абсурдным выводам (см.: «если все придут в этот ресторан в 21 час, случится столпотворение, если в 22 (23, ...) часа – тоже, следовательно, никто никогда не должен приходить в этот ресторан»).

Аргумент обобщения и принцип обобщения взаимосвязаны. Принцип обобщения, определяющий область действия морального суждения классом подобных лиц и обстоятельств, позволяет наложить ограничения на аргумент обобщения, а аргумент обобщения, вкупе с наложенными на него ограничениями, решает задачу содержательного уточнения принципа обобщения.

Модель Сингера получила широкий резонанс. В ходе развернувшейся дискуссии были установлены основные трудности, с которыми она сталкивается.

Во-первых, поскольку Сингер не проговаривает, какие именно последствия считать нежелательными, аргумент обобщения, призванный содержательно определить принцип обобщения, сам остается содержательно неопределенным.

Во-вторых, Сингер не замечает возможности противоречия между идеей недопущения нежелательных последствий (аргумент обобщения) и идеей последовательности (принцип обобщения): например, поражение в правах отдельных категорий граждан может быть обосновано задачей недопущения деструктивных последствий [Gewirth 1964, 241].

В-третьих, поскольку аргумент обобщения, по Сингеру, опирается на принцип обобщения, он не может дать независимый критерий «правильности» поступка. В отсутствие такого критерия принцип обобщения становится тавтологичным [Gewirth 1964, 233]. Тем самым упускается специфика универсализуемости *моральных* суждений: их осмысленный, а не тавтологичный характер.

В основе трудностей, с которыми сталкивается Сингер, лежит, по мысли Хэара, невнимание к прескриптивному характеру моральных суждений. Между тем, если действие неправильно, оно неправильно *безусловно*, вне зависимости от того, совершает ли его кто-нибудь еще [Hare 1962, 354].

1.5. Смысловая модель Хэара

Подход, развитый Хэаром в работе «Свобода и разум» [Hare 1965], предполагает строгое разграничение двух уровней

анализа моральных суждений: а) выявления и анализа правил морального мышления; б) установления содержания конкретных моральных норм. Согласно этому разграничению, различаются задачи, стоящие перед этической теорией и моральным субъектом.

Задачу этической теории Хэар видит в установлении правил морального мышления. Задача морального субъекта, напротив, состоит в изобретении частных норм в рамках установленных правил.

Главным «правилом морального мышления», по мысли Хэара, выступает принцип универсализуемости. Принцип универсализуемости является формообразующим: он задает рамку моральной аргументации и допускает ряд степеней свободы в конструировании этических норм.

Формообразующий характер принципа универсализуемости в сочетании с субъективным характером процедуры универсализации порождает идею смысловой модели принципа универсализуемости. Принцип мыслится не как инструмент дедукции однозначных правил («без морального субъекта»), а как ориентир в процессе творческого (само)законодательства. Смысл данного процесса, по замечанию Уэйлера, состоит в *многократном совершении процедуры универсализации мной* (universalizability by me) как способности поставить себя на место другого, вообразить подобную ситуацию и, пропустив ее через свое «я», вынести суждение [Weiler 1960, 167].

Напрашивается вывод, что принцип универсализуемости может быть понят сквозь призму *Золотого правила*: универсализируя частную максиму, моральный субъект отказывается поступать с Другим так, как не хотел бы, чтобы Другой поступил с ним. В логике Золотого правила согласие между людьми обеспечивается совместимым толкованием фактов, сходством склонностей, наличием достаточно богатого воображения (мы можем и должны представить, каковы и насколько сильны склонности других).

Таким образом, ключевое отличие «персоналистского» подхода (Хэар) от подхода «нормативного» (Сингер) заключается в утверждении «рамочного характера» принципа универсализуемости в отношении к частным системам ценностей и, как следствие: а) невозможности дедукции из него конкретных моральных норм; б) возможности свободного конструирования моральных норм моральным субъектом (в заданном принципом направлении).

Каковы «уязвимые места» модели Хэара? В целом они связаны с эмпирическим (субъективным) характером процедуры универсализации.

Во-первых, модель Хэара опирается на неточный инструмент – воображение. Как отмечает сам Хэар, мы никогда не можем знать

все об обстоятельствах, в которых находится другой моральный субъект (включая и то, как именно они затрагивают его).

Во-вторых, подход Хэара работает лишь в тех случаях, когда люди искренне стремятся гармонизировать конфликтующие интересы, достичь максимально возможной справедливости. Но как быть, когда исходная «благонастроенность» отсутствует?

В-третьих, предложенная модель не решает проблему фанатичного идеалиста. Фанатичная преданность идеалу может направить человека против собственных интересов (в пределе – против собственной жизни) и, как следствие, против интереса и жизни другого.

1.6. Смысловая модель Гевирта

На основе анализа уязвимых мест модели Хэара Гевирт утверждает, что ее недостаточно для построения работающей смысловой модели принципа универсализуемости [Gewirth 1967, 289]. Для решения данной задачи Гевирт предлагает сформулировать принцип универсализуемости на уровне базовых прав человека. Принцип Гевирта гласит: «применяй к Другому те категориальные правила поступка, которые ты применяешь к себе».

Гевирт указывает, что поступая, всякий человек применяет к себе два категориальных (основополагающих) правила: свободного самоопределения и целенаправленности поступка. Требование универсализации этих правил предполагает, во-первых, что никто не имеет права принудить Другого к вступлению в некоторое отношение (против его воли), и во-вторых, что никто не имеет права препятствовать свободному целеполаганию Другого.

Гевирт выстраивает иерархию версий принципа универсализуемости: 1) формальный (юридический) принцип последовательности (требующий беспристрастности в применении любого, даже аморального, закона); 2) содержательный принцип «обоюдной последовательности» (удостоверяющий моральность закона); 3) принцип категориальной последовательности (возводящий равенство в базовых правах в универсальный закон) [Gewirth 1967, 289]. Каждая последующая версия, опираясь на предыдущую, снимает ее ограниченность, при этом третья (высшая) соединяет идеи закона и прав личности.

Принцип категориальной последовательности Гевирта – своеобразный итог поисков содержательной интерпретации принципа универсализуемости в дискуссиях 1950–1960-х гг. Правомочен вопрос: решил ли этот принцип поставленную задачу?

На наш взгляд, достоинство смысловой модели Гевирта состоит в том, что она указывает на альтернативный эмпирическому «обобщению» путь понимания универсальности. В рамках аль-

тернативного пути (правда, только намеченного Гевиртом), исследование ведется на уровне категориальных оснований (у Гевирта – категориальных оснований поступка), а эмпирическая операция «обобщения» отсутствует. В то же время конкретный принцип, предложенный Гевиртом, нуждается в более глубоком «понимании понимания», в частности, в переходе от эмпирического (индивид) к сущностному (личность) уровню понимания человека. Внутреннее противоречие концепции Гевирта заключается в том, что принцип *категориальной* последовательности связывается в ней с *эмпирическими* признаками, например, с задачей процветания «общества добродетельных граждан». Но категории по определению отражают не эмпирический, а абстрактный, сущностный уровень мышления, на котором эмпирические признаки не рассматриваются. На категориальном уровне располагаются фундаментальные законы, защищающие пространство, в котором обитает внутренний мир человека. Это значит, что основанием принципа, утверждающего равенство индивидов в базовых правах, может быть только фундаментальный закон бытия (например, закон равенства в духовном достоинстве). Но такой закон в концепции Гевирта (как, собственно, и в концепциях Хэара и Сингера) отсутствует.

2. Принцип универсализуемости: этическая критика

2.1. Универсализуемость и поступок

(Геллнер, Хэар, Макинтайр, Уинч, Этуэлл)

При всех различиях рассмотренных смысловых моделей, их авторы едины в том, что универсализуемость есть необходимый признак морального суждения. По существу расхождение определяется разной интерпретацией *достаточного* признака, обеспечивающего соединение формального и содержательного толкований морали (аргумент обобщения, Золотое правило, принцип категориальной последовательности).

В рамках альтернативного подхода под вопрос ставится уже *необходимость* связи морали и универсальности, и в целом – правомочность методов аналитической философии применительно к этике.

Необходимо отметить, что сомнение в связи морали и универсальности преследует дискуссию с ее начала. По мысли открывшего данную дискуссию Эрнеста Геллнера, несмотря на то, что моральные законы универсальны, в опыте ни одна моральная оценка не соответствует их строгости. Жизнь, утверждает Геллнер, не укладывается в жесткие логические рамки закона. В частности закона, на который рассчитывал Кант. Все оценки и поступки, хотя бы отчасти, относятся к типу *E* [Gellner 1954–1955, 175].

Однако, по мнению Хэара, возмражающего Геллнеру, закон и поступок могут быть согласованы посредством различения правил морального мышления и правил поведения (см. п. 1.5). Правила морального мышления предписывают правилам поведения их форму, но не определяют их содержание. Иными словами, частные правила поведения оформляются в соответствии с принципом, но не дедуцируются из него; они «изобретаются» моральным субъектом. При этом правила поведения могут бесконечно специфицироваться, оставаясь универсальными [Nare 1954–1955, 301]. Например, нормы «не лги» и «не лги, если только не во спасение...» в равной степени универсальны (поскольку сформулированы без использования единичных терминов), но различаются по степени общности (область действия нормы «не лги» больше).

Осуществленное путем различения правил двух уровней, а также общности и всеобщности согласование закона и поступка, позволило Хэару в самом начале дискуссии защитить идею универсальности от обвинений в догматизме и репрессивности.

На рассуждение Хэараотреагировал Аласдер Макинтайр, и в статье под характерным названием «Что не есть мораль» («What morality is not») решительно отверг взгляд, согласно которому универсальность – необходимый признак морали. Доводы Макинтайра: связь между моралью и универсальностью коренится не в понятии «мораль», а в понятии «норма» (нормы как этические, так и неэтические, как правило, универсальны); утверждать, что универсальность есть неотъемлемая характеристика морали, значит уменьшать объем понятия «мораль» до морали норм; мораль – не только нормы, но также и поступки, в том числе трагические поступки в ситуации конфликта равнозначных максимумов; выбор любой из максимумов всегда неправилен и, как следствие, неуниверсализуем. Даже убежденный пацифист может сказать: «Я отказываюсь идти воевать, но не могу не уважать тех, кто идет сражаться». И не вступить при этом в противоречие, или, точнее, вступить в противоречие конститутивное для морали.

В самом деле, что значит: разрешить моральную дилемму, т.е. ответить на вопрос «как быть»? Значит ли это – объяснить, как «быть правильно», т.е. сформулировать правило, снимающее дилемму, и поступить в соответствии с ним («правильно»)? Или напротив, взять на себя ответственность за свой – неизбежно неправильный – выбор? Рассматривая известную дилемму (исполнить долг перед матерью или долг перед родиной), Макинтайр утверждает: «Ученик Сартра, конечно, мог бы сформулировать правило: “забота о родителях важнее исполнения воинского долга”, и тем самым утвердить его верность для всех подобных

случаев. Но, чтобы сделать собственный выбор, ему нет необходимости становиться законодателем» [MacIntyre 1955, 327].

Аргумент Макинтайра выявляет уязвимое место в подходе Хэара, а именно невнимание к особому классу поступков, тому, что охватывает поступки в ситуации трагического выбора.

Пытаясь осмыслить проблему трагического поступка, аналитические философы предложили две ее интерпретации, по сути исключающие друг друга.

Как отмечает Уинч, в сложных случаях столкновения обязанностей (суждений «я должен сделать *X*» и «я должен сделать *Y*», – где *X* и *Y* взаимно исключают друг друга), решение Хэара не работает. Разрешающее подобную дилемму суждение имеет вид не «я должен сделать *X*», а «я *решил*, что должен сделать *X*». Но, высказывая *решимость* сделать *X*, я не подразумеваю, что другой на моем месте должен сделать *X*, ведь другой может решить иначе: что он (именно он, а *никто другой*) должен сделать *Y*. Иными словами, если суждения, выражающие моральные обязанности (в их столкновении со склонностями), универсализуемы, то суждения, обосновывающие трагический выбор, поименованы. Они справедливы не для всех, а только лишь «для меня» [Winch 1965, 200].

Таким образом, Уинч (может быть, не желая этого) формирует утверждение, которое подрывает основы дискурса универсализуемости: неуниверсализуемые моральные суждения *возможны*.

Возражая Уинчу и стремясь защитить принцип универсализуемости, Джон Этуэлл указывает, что трагический выбор вовсе не опирается на моральное суждение «в по-настоящему сложных дилеммах моральный субъект не может решить, что должно делать ему, поскольку не знает, что должно делать всем, но все равно принужден действовать: в этом – трагедия» [Atwell 1967, 133]. Этуэлл предлагает рассмотреть ситуацию, в которой моральный субъект с одной стороны нацелен поступить «правильно» («морально серьезно»), а с другой – сталкивается с моральной дилеммой. Поскольку каждое из возможных ее решений по своему неправильно, моральный субъект вынужден действовать не в соответствии с *правилом*, а под давлением обстоятельств. Словесная формулировка его решения – не «должен поступить», но «вынужденно поступаю». Этуэлл делает вывод: все моральные суждения универсализуемы, но не все поступки опираются на моральные суждения; отсюда ошибка Хэара – не в утверждении необходимой универсализуемости морального суждения, а в распространении принципа универсализуемости на область поступков.

Однако Этуэлл не учитывает то обстоятельство, что суть морали – в поступках, а не в суждениях. Из рассуждений Этуэлла остается до конца неясным, каков моральный статус поступка в ситуации трагического выбора: *внеморален* ли он, *поскольку не опирается* на моральное суждение, или все же *морален, несмотря на то, что не опирается* на моральное суждение. Если *внеморален*, то сложные моральные дилеммы выпадают из сферы этического, а последняя ограничивается проблемами вида «возврата книг в библиотеку» (Уинч); если *морален*, но не опирается на моральное суждение, то неясно, что позволяет *одновременно* назвать и суждение о должном, и не связанный с ним поступок *моральными*. Иными словами: что морального в поступке, не опирающемся на моральное суждение; и что морального в суждении, безразличном к моральному поступку?

Дискуссия о согласовании закона и поступка и, как следствие, о связи морали и универсальности таким образом замыкается в круг и возвращается к своим истокам. Геллнер отрицал связь морали и универсальности, опираясь на идею поступка; Хэар защитил эту связь, согласовав закон и поступок; Макинтайр противопоставил согласованию Хэара класс трагических поступков; Уинч и Этуэлл, каждый по-своему, выявили фатальный для принципа универсализуемости смысл этого противопоставления.

Реальность трагического поступка и невозможность его помыслить – такова первая апория дискурса универсализуемости.

2.2. Универсализуемость и романтическая любовь (Геллнер, Хэар)

Проблемы, открывающиеся в свете лингвистического анализа, не ограничиваются сферой поступка. Рассмотрим, например, спор аналитических философов о романтической любви. Главный предмет спора: на суждение какой формы (*U* или *E*) опирается любовная клятва? Геллнер указывает на «личный характер» (*privacy of encounter*) любви, на обращенность суждения «я буду вечно верен твоей» неповторимой, единственной, уникальной личности (тип *E*). Хэар, напротив, убежден, что, во-первых, форма суждения «буду бесконечно верен тебе» ничем не отличается от формы суждения «сдержу данное тебе обещание» (и в том, и в другом случае личность реципиента не имеет значения), во-вторых, любовная клятва может повторяться множество раз (быть обращена разным людям). А если так, то суждение влюбленного, а с ним и романтическая любовь, принадлежат типу *U* [Hare 1954–1955, 300].

Несложно заметить, что таким, с формально-логической точки зрения точным, ходом мысли понятие романтической любви подвергается тотальной деструкции. Индивидуальное низводится до типического, бытийное – до бытового, возвышенное – до иллюзорного, а любовная клятва – до долгового обязательства. Геллнер, на первый взгляд, проявляет большую чуткость. Но и у Геллнера, и у Хэара идеальное измерение любви замещается материальным – в виде «частного отношения» двоих (Геллнер) или типичного отношения со многими (Хэар).

Усмотреть идеальный (универсальный) смысл индивидуализированного отношения (соединить *E* и *U*) аналитические философы оказываются не в силах. Реальность романтической любви и невозможность ее помыслить – такова вторая апория дискурса универсализуемости.

Каков источник, природа данных апорий?

2.3. Согласование универсального и индивидуального: возможности (Нарвесон, Хэар)

В основе трудностей, с которыми сталкивается дискурс универсализуемости в аналитической философии, лежит, на наш взгляд, понимание индивидуальности как предельно специфицированного класса. (Быть индивидуальностью значит быть описанным с помощью признаков *X*, *Y*, *Z*, которыми не обладает более никто.)

Из логической идеи индивидуальности с необходимостью следует, что:

а) идеальные явления индивидуализирующего характера (такие, как романтическая любовь) девальвируются до явлений социальных и типических;

б) трагический поступок, как поименованный (мой, его, ее и т.д.) не мыслится непротиворечиво.

В то же время, по мысли Яна Нарвесона, существует другая идея индивидуальности, в соответствии с которой быть индивидуальностью значит быть собой – быть *особой* (т.е. априори не подпадать ни под какое описание и даже касание мыслью) [Narveson 1965, 37]. «То, что может быть именовано (индивид), не может быть описано», – излагает эту идею с предельной ясностью Хэар [Hare 1954–1955, 310]. Однако задача сформировать понятие индивидуальности на основе данной идеи кажется Нарвесону и Хэару неразрешимой. Аналитические философы и не испытывают потребности ее разрешать: субъект-предикатная структура позволяет, по их мнению, описать человека настолько полно и точно, насколько это необходимо. Разумеется, абсолютной точности мы

не достигнем. Но, в конце концов, нам остается или вовсе отказаться от понимания, или примириться с приблизительностью понятий [Hare 1954–1955, 312].

В рамках предложенной альтернативы (понимать или не понимать) с вердиктом Хэара (понимать), пожалуй, можно согласиться. Но рассмотрим иную возможность – быть может, нам следует выбирать между разными *способами понимания*?

В силу того, что дискурс универсализуемости конституируется априорной оппозицией $E-U$, истиной (единичного) сущего здесь мыслится его общая (видовая) характеристика (так возникают «подобные люди» и «подобные обстоятельства»). Это значит, что дискурс универсализуемости может быть назван метафизическим (1), а проблему согласования единичного и всеобщего можно конкретизировать как проблему поиска способа понимания, альтернативного метафизическому.

Хэар касается этой проблемы, комментируя предложение изучать этические проблемы посредством не логического анализа, а эстетического чувственного восприятия (характеров героев и событий художественных произведений). Обсуждая эту идею, Хэар со скепсисом замечает: «Я высказываю суждение о персонаже [романа – А. С.] как о типе, – типе, который был... в деталях описан. Мое суждение о герое не только опирается на принцип типа U , оно само есть универсальное суждение» [Hare 1954–1955, 311]. Иными словами, способа понимания, который мог бы позволить помыслить единичное сущее в его особенности, согласно Хэару, не существует.

Справедливо ли данное суждение? По замечанию Умберто Эко, персонаж романа, о котором говорит Хэар, есть продукт универсализации индивидуального (т.е., заметим от себя, метафизической универсализации), и именно поэтому он и в самом деле только типичен. Но не всякий персонаж – персонаж романа, и не всякая универсальность есть метафизическая универсальность. Персонаж романа, замечает Эко, «не обретает универсальности мифа, не становится знаком, эмблемой сверхъестественной реальности» [Эко 2005, 181]. Это суждение предполагает, что универсальность образа может достигаться не описательным обобщением характеров и обстоятельств (тип), но также индивидуализацией всеобщей идеи (символ), а метафизическому пониманию универсальности («обобщение») противостоит ее онтологическое понимание («закон»).

Конечно, у героя мифа, как и у героя романа, есть характерные «черты». Но черты героя мифа – неизменны и вечны, а неснимаемая поименованность героя (Эдип, Геракл...) гарантирована воплощением космического закона. В онтологической универсальности

мифического героя достигается полноценное и непротиворечивое согласование (даже слияние) поступка и закона, индивидуальных черт и универсальной идеи, при котором «схваченное в совершенстве (в энергии) своей формы, в своем месте, в свое время... единичное сущее есть одновременно всеобщая идея» [Ахутин 2005, 331]. То есть достигается согласование, которое в рамках метафизического понимания универсальности принципиально недостижимо.

Заключение

Нами выделены два направления дискуссии о принципе универсализуемости в моральной философии 1950–1960-х гг.

Первое направление задано презумпцией *необходимой* универсализуемости морального суждения. В его рамках осуществляется построение смысловых моделей принципа универсализуемости, которые позволили бы сделать его высшим моральным принципом.

Конструирование смысловых моделей принципа универсализуемости осуществляется двумя способами: а) путем выявления конкретного содержания принципа универсализуемости с целью дедуктивного построения этики как рациональной нормативной системы (Сингер); б) через утверждение формального характера процедуры универсализации с целью утверждения идей автономии, прав личности и поступка (Хэар, Гевирт). Построенные модели в рамках первого способа соединяют принцип универсализуемости с идеями беспристрастности и справедливости (Райен, Эммет, Сингер), в рамках второго направления – с идеями взаимности, поступка (Хэар) и равноправия (Гевирт).

Второе направление дискуссии связано с этической критикой идеи универсальности. Критика идеи универсальности ведется с позиций ценности индивидуального поступка и значимости трагического выбора (Макинтайр, Уинч, Эммет). В ходе дискуссии выявляется неспособность лингвистического анализа непротиворечиво соединить идею индивидуальности с идеей универсальности (в двух аспектах – трагического выбора и романтической любви) (2).

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Под метафизикой нами понимается переход от единичного к общему путем выявления у данного объекта определенных абстрактных свойств и отбрасывания остальных, так что два объекта принадлежат одному и тому же роду, если оба они обладают выделенными свойствами. Такого рода описательные классифи-

кации ориентированы на реально существующие объекты. Под онтологией, в отличие от метафизики, нами понимается не процесс обобщения реально существующих вещей, а открытие истины посредством интеллектуального «схватывания» сущности предмета и выражение истины посредством либо универсального закона всемирного значения, либо категорий.

(2) Интегральное понимание феномена универсальности, на наш взгляд, возможно на основе использования принципа дополнительности, т.е. рассмотрения феномена универсальности не только с метафизической, но и с онтологической точек зрения, или, что то же самое, на основе дополнения универсальности «обобщения» универсальностью «закона».

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Адорно 2000 – Адорно Т. Проблемы философии морали / пер. с нем. М.Л. Хорькова. – М.: Республика, 2000.

Ахутин 2007 – Ахутин А.В. Античные начала философии. – СПб.: Наука, 2007.

Эко 2005 – Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С.Д.Серебряного. – СПб.: Symposium; М.: Изд-во РГГУ, 2005.

Atwell 1967 – Atwell J. A Note on Decisions, Judgments, and Universalizability // *Ethics*. 1967. Vol. 77. No. 2. P. 130–134.

Emmet 1963 – Emmet D. Universalisability and Moral Judgment // *The Philosophical Quarterly*. Vol. 13. No. 52. P. 214–228.

Hare 1954–1955 – Hare R.M. Universalizability // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1954–1955. Vol. 55. P. 295–312.

Hare 1962 – Hare R.M. Review: Singer M.G. Generalization in Ethics: An Essay in the Logic of Ethics, with the Rudiments of a System of Moral Philosophy // *The Philosophical Quarterly*. 1962. Vol. 12. No. 49. P. 351–355.

Hare 1965 – Hare R.M. Freedom and Reason. – Oxford: Oxford University Press, 1965.

Gellner 1954–1955 – Gellner E. Ethics and Logic // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1954–1955. Vol. 55. P. 157–178.

Gewirth 1964 – Gewirth A. The Generalization Principle // *The Philosophical Review*. 1964. Vol. 73. No. 2. P. 229–242.

Gewirth 1967 – Gewirth A. Categorical Consistency in Ethics // *The Philosophical Quarterly*. 1967. Vol. 17. No. 69. P. 289–299.

MacIntyre 1957 – MacIntyre A. What Morality Is Not // *Philosophy*. 1957. Vol. 32. No. 123. P. 325–335.

Narveson 1965 – Narveson J.F. Existence and Particularity // *The Southern Journal of Philosophy*. 1965. Vol. 3. No 1. P. 33–37.

Ryan 1964 – Ryan A. Universalizability // *Analysis*. 1964. Vol. 25. No. 2. P. 44–48.

Singer 1955 – *Singer M.* Generalization in Ethics // *Mind. New Series.* 1955. Vol. 64. No. 255. P. 361–375.

Weiler 1960 – *Weiler G.* Universalizability by Me // *The Philosophical Quarterly.* 1960. Vol. 10. No. 39. P. 167–170.

Winch 1965 – *Winch P.* The Universalizability of Moral Judgements // *The Monist.* 1965. Vol. 49. No. 2. P. 196–214.

REFERENCES

Adorno T. (2000) *Problems of Moral Philosophy.* Moscow: Respublika (Russian translation).

Akhutin A. V. (2007) *Antichnye nachala filosofii* [Ancient Origins of Philosophy]. Saint-Petersburg: Nauka (in Russian)

Atwell J. (1967) A Note on Decisions, Judgments, and Universalizability. *Ethics.* Vol. 77, no. 2, pp. 130–134.

Eco U. (2005) *The Role of The Reader: Explorations in The Semiotics of Texts.* Saint-Petersburg: Symposium; Moscow: RGGU (Russian translation).

Emmet D. (1963) Universalisability and Moral Judgment. *The Philosophical Quarterly.* Vol. 13, no. 52, pp. 214–228.

Gellner E. (1954–1955) Ethics and Logic. *Proceedings of the Aristotelian Society.* Vol. 55, pp. 157–178.

Hare R.M. (1954–1955) Universalizability. *Proceedings of the Aristotelian Society.* Vol. 55, pp. 295–312.

Hare R.M. (1962) Review: Singer M.G. Generalization in Ethics: An Essay in the Logic of Ethics, with the Rudiments of a System of Moral Philosophy. *The Philosophical Quarterly.* Vol. 12, no. 49, pp. 351–355.

Hare R.M. (1965) *Freedom and Reason.* Oxford: Oxford University Press.

Gewirth A. (1967) Categorical Consistency in Ethics. *The Philosophical Quarterly.* Vol. 17, no. 69, pp. 289–299.

Gewirth A. (1964) The Generalization Principle. *The Philosophical Review.* Vol. 73, no. 2, pp. 229–242.

MacIntyre A. (1957) What Morality Is Not. *Philosophy.* Vol. 32, no. 123, pp. 325–335.

Narveson J.F. (1965) Existence and Particularity. *The Southern Journal of Philosophy.* Vol. 3, no. 1, pp. 33–37.

Ryan A. (1964) Universalizability. *Analysis.* Vol. 25, no. 2, pp. 44–48.

Singer M. (1955) Generalization in Ethics. *Mind. New Series.* Vol. 64, no. 255, pp. 361–375.

Weiler G. (1960) Universalizability by Me. *The Philosophical Quarterly.* Vol. 10, no. 39, pp. 167–170.

Winch P. (1965) The Universalizability of Moral Judgements. *The Monist.* 1965. Vol. 49, no. 2, pp. 196–214.